

*Г. М. БЛАГАСОВА,
Ю. В. КУРБАТОВА*

**И. Бунин
и К. Паустовский:
аксиологические
параллели**

События 1917–1920 годов заставили все слои российского общества задуматься над вопросом о судьбе своей Родины. Объективной реакцией со стороны писателей было отображение своих мыслей в публицистике («Несвоевременные мысли» М. Горького); в художественном творчестве («Двенадцать», «Скифы» А. Блока); в письмах (письма В. Г. Короленко А. В. Луначарскому) и дневниковых записях. Последние предполагают более прямой, открытый характер суждений. События 1917 года принудили представителей творческой интеллигенции занять определенные гражданские позиции, вследствие чего многие были вынуждены покинуть Родину, как, например, И. Бунин, либо остаться в новом государстве и принять установленные его властью порядки, как К. Паустовский. И. Бунину пришлось эмигрировать в 1920 году, так как сложившаяся политическая обстановка создавала прямую угрозу его жизни и жизни близких. В советской литературе его стали называть «белогвардейцем». Хотя он сам неоднократно подчеркивал, что не принадлежал к белому движению. Тем не менее опубликованный во Франции дневник писателя

«Окаянные дни» лишь укрепил за его автором клеймо «непонявшего величия революции» белоэмигран-

та, человека, не разглядевшего светлого советского будущего. Роман «Жизнь Арсеньева» в Советском Союзе был встречен как слабое произведение, говорили, что талант Бунина иссяк в эмиграции, что он разрабатывает старые темы, остается певцом дореволюционной России и дворянских гнезд. Лишь к шестидесятым годам на Родине писателя публикуются первые критические работы, в которых дается объективная оценка этому произведению.

Среди тех, кто высоко ценил талант И. А. Бунина, проявившийся с новой силой в «Жизни Арсеньева», был Константин Паустовский. Самому Паустовскому также довелось пережить ряд лжесвидетельств, навязывание чуждых тем, в критике же за ним упорно закрепилось звание советского писателя, воспевавшего успехи СССР и принявшего всей душой революцию. Однако опубликованные в 2005 году журналом «Мир Паустовского» дневники писателя свидетельствуют о резком неприятии Октябрьской революции молодым литератором, а отдель-

ные неопубликованные части «Книги скитаний» (авторское название «На медленном огне») говорят о том, что он вынужден был работать в условиях политического гнета и не принимал существующего курса партии. Любопытный материал для размышлений дают дневниковые записи двух известных современников — И. А. Бунина и К. Г. Паустовского, — а именно: аксеологические параллели в осмыслении исторических потрясений 1917–1920 годов.

Определимся с понятием «дневник». «Литературная энциклопедия терминов и понятий» характеризует дневник как «периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи»¹. В нашей работе мы будем придерживаться этого определения, хотя в литературоведении существует множество других суждений. Согласимся с ученым С. В. Жожикашвили, утверждавшим, что дневники, отражающие историческую эпоху, являются ее важным свидетельством и обладают «эстетической ценностью, если у пишущего есть литературный талант»². В нашем случае «эстетической ценностью» обладают дневники И. А. Бунина и К. Г. Паустовского, поскольку представляют взгляды двух художников на историческую эпоху 1917–1920 гг.

С первых же дней революционных событий Бунин не скрывал своей гражданской позиции. Он видел в торжестве большевиков гибель России. Это трагическое, в оценке писателя, событие он переживал как личную драму, как конец светлого, чистого и горячо любимого этапа своей жизни.

Паустовский не мог открыто высказывать свое мнение, поскольку тогда он поставил бы под угрозу свою жизнь, а его произведения не были бы напечатаны. Тем не менее в книге «Начало неведомого века» (третьей части «Повести о жизни») все же можно проследить его несогласие с общепринятой в Советском государстве точкой зрения на Октябрьскую революцию. Что касается Февральской революции, то к ней К. Паустовский отнесся «с мальчишеским восторгом»³. Романтичность натуры молодого писателя

и здесь сыграла свою роль: ему виделись перемены к лучшему, особенно в душах людей. Но жизнь показала, «что человек не так просто меняется, и революция пока что не уничтожила ни ненависти, ни взаимного недоверия»⁴. К октябрьским событиям двадцатипятилетний Константин Паустовский отнесся неоднозначно: «Многое я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре»⁵. Однако именно это объяснение и фраза: «Первые два-три года Октябрьской революции я прожил не как ее участник, а как глубоко заинтересованный свидетель»⁶, на наш взгляд, послужили поводом к тому, чтобы советские критики определили позицию Паустовского в историческом перевороте как молодого неопытного человека, с несформировавшимся мировоззрением. Например, критик А. Ф. Измайлов так объясняет «политическую несознательность» писателя в то время: «Молодому Паустовскому трудно было ориентироваться в сложной общественной жизни тех лет, что вынуждало его порой оставаться лишь свидетелем событий, вместо того, чтобы быть их активным участником»⁷. Критик В. С. Ильин, причисляя Паустовского к писателям рабочего класса, объяснял: «И это, можно смело сказать, благодаря Октябрьской революции, которая помогла ему сблизиться с народом»⁸. Названный исследователь определил Паустовского в 1917 году как «безучастного в то время к вопросам политики, к общественному движению в стране»⁹. Трудно представить, что речь идет о человеке, который прошел Первую мировую войну санитаром, то есть видел ее ужасы, человеческие страдания, смерть не только солдат, но и женщин, детей. К тому же следует учитывать, что книга «Начало неведомого века» была написана в 1956 году, когда ее автору было уже шестьдесят четыре года, и тот факт, что в ней нет восторженной оценки Октябрьских событий человеком, прожившим большую и интересную жизнь, советским писателем, говорит о многом.

Еще более интересным является сопоставление дневниковых записей Паустовско-

го того периода и «Окаянных дней» Бунина. Большинство записей Паустовского велись «телеграфным» стилем и были опубликованы лишь недавно, а Нобелевский лауреат всегда оформлял свои мысли традиционным художественным слогом и некоторые из его записных книжек были опубликованы еще при жизни их автора. Несмотря на такую разницу в стиле письма и судьбе дневников, а также на тот факт, что в 1917 году Бунину исполнилось 47 лет, а Паустовскому — 25, чувства и мысли писателей были порой тождественны. Например, у Бунина описание Москвы 1917 года в «Окаянных днях»: «Всем существом понял, что такое вступление скота и зверя победителя в город. <...> Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный, грязный. Москва мерзка как никогда»¹⁰. У Паустовского в дневниках находим: «Дикая, монгольская, бесстыдная Россия. Позор. Пакгаузы, серая, дождливая Москва. <...> Трамваи — люди хуже скотов. <...> Нужно уметь ловко вгрызаться в горло друг другу»¹¹. Оба писателя отметили те изменения в облике столицы России, которые вынудили обоих уехать на юг, в Одессу.

Описывая большевиков и их сподвижников, Бунин и Паустовский рисуют неприглядный портрет пьяных, бескультурных, развращенных полулюдей, в лицах которых преобладают черты первобытного человека: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме!» (Бунин «Окаянные дни»)¹². Из дневника Паустовского 1917 года: «Пьяные солдаты. Все гудит матерной бранью — рождается большевизм» «вошли большевики. С гармошками, руганью, в обнимку с бабами»¹³. Из дневника Ив. Бунина 1918 года: «Ах, сволочь паскудная! На войну идут и девок с собой берут!»¹⁴. Толпа, в которой разбудили низкие, первобытные начала, заполняет улицы, наполняя город своими звуками, цветом, запахами, характеризу-

ющими смутное время: это характерный набор звуков, который трудно назвать музыкой («Поют марсельезу, словно кого-то хоронят»¹⁵, «дикая музыка», «крик пьяного дикаря», «музыка играет заунывно, развратно-томно, потом лихо»¹⁶), темные, серые краски («фасад театра темен, погребально-печален, черно-синее небо, Никитская без огней, могильно-темна, черные дома»¹⁷), запахи глена, разложения (грузовики — «смердящие животные»¹⁸, кандидат в депутаты нового правительства «дышит огнем вонючим»¹⁹, «вонючие возчики»²⁰. Пространственно-временной континуум сгущается, теряются привычные рамки. Это усугубляется тем, что часы переведены: «Для экономии электричества часы по приказу правительства сильно передвинули назад. Солнце заходило в четыре часа дня.»²¹, «восемь часов вечера, а «по-советскому» уже половина одиннадцатого»²².

Пространство представляет собой враждебный мир, который разорван на части: рядом играет «лихая» музыка, где-то слышны выстрелы, на соседней улице идут похороны, во дворе играют свадьбу. Неоднородность пространства подчеркивается тем, что среди враждебной стихии черного, пустого, угрюмого возникают островки светлого мира, связанного со стариной, православием: «Но вот тихий переулок, совсем темный, идешь и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющий на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей»²³. Поскольку дома разрушены, разграблены, ежедневно охраняются и подвергаются обыску, они больше не являются защитой для человека. Людей тянет в церкви, которые представляют собой часть светлого мира, дают веру в чудо, в возможность повернуть все вспять: «И так крепко крестисься, молишься так напряженно, до боли во всем теле, что кажется, не может не помочь Бог, чудо, силы небесные»²⁴; «хочется молиться в теплых блещущих матовым золотом, полутемных соборах. Молиться и знать, что за папертью идут в голубых огнях и сне-

гу тихие площади Кремля, живет быт, пушистые снежинки падают на бархатную девичью шубку. Молиться»²⁵.

Но чуда не происходит. Сжатый, напряженный пространственно-временной континуум давит на человека, он теряет свое лицо, опускается: «Нет пола. Есть голодное существо, одетое в рваную шубу, с потухшими глазами. Почти все не моются по два месяца. <...> Женщины внушают только отвращение грязью, затасканными подолами, слезящимися глазами, точно так же, как и обросшие, несвежие мужчины»²⁶. «Вы взгляните как прежний господин или дама теперь по улице идет; одет в чем попало, воротничок смялся, щеки небритые, а дама без чулок, на босу ногу, ведро с водой через весь город тащит — все, мол, наплевать»²⁷. Люди носят одежду, снятую с мертвых, за кусок хлеба продают свою душу, ведут себя так, что ощущается скорое наступление конца, смерти. Модель пространства революционного города представляет собой воронку, в которой хаотически вращаются каторжники, интеллигенты, рабочие, крестьяне, военные, священники. Центром этой воронки становится порт, из которого виден стоящий на горизонте французский броненосец. Население города поминутно притягивается к этой точке, как к последней возможности уйти в другой, заграничный, мир, беспристрастно взирающий на бесчинства, происходящие в городе, глазами моряков французского судна. Броненосец — это ворота в другое пространство, надежда на возможное спасение. В этом хаосе художник чувствует себя лишним, он не находит себе места: «Подумать только: надо еще объяснять то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт!»²⁸, «Я совершенно не создан для службы, для канцелярщины, для сидения за столом»²⁹. Чувство неприкаянности порождает болезненно-тоскливое ощущение: «Когда выходишь, идешь как при начале тяжелой болезни»³⁰, «Я болен. Тоска стала непрерывной»³¹. Попытка разорвать замкнутый круг нового миропорядка, вырваться из воронки революционного хаоса

приводит обоих художников к воспоминаниям о былой, светлой, упорядоченной жизни, к вечным, вневременным ценностям. «Да, я последний, чувствующий это прошлое, время наших отцов и дедов <...> Обрывки мыслей, воспоминаний о том, что верно уже веки не вернется <...> и я дышал этой березовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России...»³²; «На днях был странный сон. Снова я в старом, помещичьем доме <...> теплом и уютном. <...> Около крыльца пилили сосну, и ее смолистый запах, снега, теплые предвечерние отсветы в окнах дома — все это было до того родное, русское, далекое от «интернационализма», что я заплакал во сне от детской, беспомощной тоски»³³.

Каждый из художников ищет в своем внутреннем мире ответ на вопрос «Что будет дальше? Каков выход?». В дневниковых записях Бунина нет прямого однозначного ответа. Они лишь подводят к мысли о том, что дальнейшее пребывание в хаосе революции может обернуться смертью и единственной возможностью ее избежать является попытка уйти вслед за французским броненосцем. Записные книжки Паустовского также не содержат однозначного решения. Как и дневники Бунина, они дошли до сегодняшнего дня не полностью, многие из них были утеряны. В «Повести о жизни» дается следующее объяснение тому, почему художник Паустовский остался в стране, раздираемой гражданской войной и красным террором: «Это — дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ»³⁴. Название очередной книги «Повести о жизни», в которой рассказывается о событиях после 1920 года, — «Время больших ожиданий» — тоже объясняет, почему Паустовский остался в России. Ему было двадцать восемь лет, он верил в то, что социализм, более свободный и справедливый государственный строй, чем монархия, упорядочит захлестнувший страну хаос, «но большевизму так и не удалось освободиться от недостатков прошлых государственных структур — алчности, пре-

небрежения к личности, глухоте к чужому мнению»³⁵. Бунину в это же время было пятьдесят лет. Ему не верилось в возможность преобразований, и он понимал, что рассчитывать на то, что власть пролетариата закроет глаза на его дворянское происхождение, не приходится. В отличие от Паустовского он не мог рисковать. Несмотря на то, что дальнейшие судьбы писателей разойдутся и им придется работать в разных странах, их будет связывать любовь к той России, которая навсегда погибла в 1917 году.

Чувство любви к своей Родине, народу, предкам питало все творчество И. А. Бунина и породило в эмиграции роман «Жизнь Арсеньева», а Паустовскому помогло выстоять в годы сталинских репрессий и Второй мировой войны, написать «Повесть о жизни». В романе воссоздается эпоха конца XIX — начала XX веков, увиденная дворянином Арсеньевым, остро чувствующим свою принадлежность, прежде всего XIX столетию; в повести показана картина эпохальных событий XX столетия, нарисованная участником и свидетелем исторических потрясений — молодым писателем Паустовским.

Нельзя сказать, что оценки двумя художниками исторических и культурных деятелей всегда совпадали. Так, например, Бунин резко отрицательно относился к творчеству модернистов, почти физически ненавидел Маяковского, Блока, серьезно разошелся во взглядах с Горьким и не принимал его произведений после 1917 г. Паустовский, напротив, восторженно отзывался о Горьком, присутствовал на похоронах Маяковского, отмечал его одиночество, неизменно высокую оценку давал творчеству Блока. Однако на протяжении 1917–1920-х годов мировосприятие, ощущения, чувства двух писателей были похожими. Примечателен тот факт, что именно в это время происходят сразу две встречи писателей (в 1917 году — заочное общение по переписке и в 1920 году — встреча в редакции газеты «Новое слово»).

Анализ мыслей, доверенных только дневникам, которые приходилось постоянно прятать, позволяет говорить о духовной

близости их авторов, основанной на гуманистическом воспитании, о родстве их мировосприятия и социокультурных оценок времени.

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 232.

² Там же.

³ Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1982. Т. IV. С. 518.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Измайлов А. Ф. Наедине с Паустовским. Л., 1990. С. 13.

⁸ Ильин В. С. Константин Паустовский. М., 1967. С. 25.

⁹ Там же.

¹⁰ Бунин И. А. Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 2004. С. 48.

¹¹ Паустовский К. Г. Дневники 1916-го — начала 1917 гг. // Паустовский К. Г. Повесть о жизни: В 3 т. М., 1993. Т. I. С. 603.

¹² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 150.

¹³ Паустовский К. Г. Дневники 1916-го — начала 1917 гг. С. 609, 611.

¹⁴ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 78.

¹⁵ Паустовский К. Г. Дневники 1916-го — начала 1917 гг. С. 606.

¹⁶ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 122, 142.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ Паустовский К. Г. Дневники 1916-го — начала 1917 гг. С. 603.

²¹ Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. IV. С. 519.

²² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 93.

²³ Там же. С. 72.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Паустовский К. Г. 1920 год. Из дневника // Мир Паустовского. 2005. №23. С. 7.

²⁶ Там же.

²⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 149.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Паустовский К. Г. 1920 год. Из дневника. С. 7.

- ³⁰ Бунин И. А. Окаянные дни. С. 93.
- ³¹ Паустовский К. Г. 1920 год. Из дневника. С. 8.
- ³² Бунин И. А. Окаянные дни. С. 131.
- ³³ Паустовский К. Г. 1920 год. Из дневника. С. 11.
- ³⁴ Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. IV. С. 702.
- ³⁵ Паустовский В. К. Под знаком Бабеля // Паустовский К. Г. Время больших ожиданий. Повести. Дневники, письма. Н. Новгород, 2002. Т. I. С. 39.